

Она лежала на каменном полу. По щекам тянулись влажные дорожки слёз. Её разум шептал, что она должна испытывать холод, неудобство, печаль — хоть что-то, но все её ощущения будто окутывал вакуум. Зияющая пустота в памяти не давала в полной мере осознать происходящее.

Вновь поднявшись на ослабевшие копыта, ей почудилось, будто они стали куда меньше, чем она помнила. Или ей это лишь показалось?

Тьма плотной завесой обступала её со всех сторон. Отголоски ноющей боли прошлились по занемевшим конечностям. Обхватив себя хвостом, пони попыталась осторожно оглядеться, но не увидела ничего, даже собственных копыт.

Может быть, она просто ослепла?

Осторожное ощупывание лица и век ничего не дало. Пони утёрла остатки слёз, хоть и не помнила, когда именно она успела поплакать. Оставалось лишь довериться остальным своим ощущениям, не полагаясь на зрение.

Давящую тишину нарушали отдалённые звуки ветра. Сыроватый запах каменных стен разбавлял ещё один запах. Запах, от которого кровь стыла в жилах. Она никак не могла вспомнить, запах чего её так сильно пугал.

Внезапный шорох, раздавшийся позади, заставил её вздрогнуть. Он был настолько неожиданным в безмолвной тишине, что казалось каждая мышца в теле напряглась до боли.

Усилием воли она заставила себя сделать шаг в пустоту перед собой. Каменный пол перед ней никуда не пропал, покорно позволяя дрожащим копытам сделать шаг. На фоне эха собственных шагов она услышала новое движение, похожее на шорох крадущейся змеи, и едва этот образ возник в её разуме, как копыта сами понесли её вперёд.

Она слышала их скользкий шорох даже через своё сбившееся тяжелое дыхание, но ей казалось, что если она хоть на мгновение замедлится, то.. случится нечто непоправимое.

Ничего не видя перед собой, она неслась вперёд, пока пол внезапно не пропал из-под её ног, чтобы затем грубыми углами врезаться ей в копыта, небрежно кидая её вниз по лестнице. Боль в копытах и рёбрах сменилась резким давлением со всех сторон, будто сотни щупалец схватили окончательно дезориентированную жертву.

Пони тщетно попыталась вдохнуть, хотя бы закричать, но её грудь сдавили с новой силой. Последнее, что она успела услышать, это хруст собственной ломаемой шеи.

Она лежала на каменном полу. По щекам тянулись влажные дорожки слёз. Её разум шептал, что она должна испытывать холод, неудобство, печаль — хоть что-то, но все её ощущения будто окутывал вакуум. Тишина в замке прерывалась шумом ветра. Слуги снова забыли закрыть окно в северной части замка.

Северная часть замка... Как она может в ней находиться, если своими глазами видела, как горели обломки разрушенных коридоров? Видела, как плавилась её любимые шёлковые гобелены. Видела испуганный взгляд сестры, загнанной в угол...

Луна резко распахнула глаза. Кто-то прямо сейчас использовал её магию. Она не понимала, где конкретно, но это заклинание было ей очень знакомо. Вместе с частичками воспоминаний вернулись и эмоции. Принцесса зажгла заклинанием кончик рога, разгоняя густую тьму. Существа, притаившиеся в тени, испуганно скользнули за пределы освещения. Луна нахмурилась. Внутри медленно закипала ярость, которую некуда было выплеснуть, от чего она рывком встала на копыта и прокричала что-то бессвязное в пустоту настолько громко, что по каменному полу прокатилась вибрация.

Ситуация, в которой она оказалась была и абсурдной, и безумно опасной одновременно.

Её больше не волновали безмолвные тени - магическая фальшивка, нацеленная удержать её в повторяющемся ночном кошмаре. Тот, кто всё это устроил, обязан находиться здесь, по крайней мере, до тех пор, пока продолжает высасывать из неё магию, словно ненасытный паразит.

Прислушавшись к ощущениям, Луна вырвала из цепких коготков паразита остатки своей магии и телепортировалась в тронный зал.

Тьму разрезал лишь бледный свет на кончике рога, но этого было достаточно, чтобы разглядеть очертания своей тёмной стороны — заклятого врага и единственного близкого друга. Найтмер Мун занимала трон, некогда принадлежавший Селестии. Кончик её рога был охвачен магией. Не её магией.

— Ты... — Луна не находила слов, чтобы описать ярость, клокотавшую внутри. — Ты обманула меня!

Найтмер Мун смерила её холодным взглядом.

— Не твоим ли желанием было доказать сестре, что ты достойна любви подданных ничуть не меньше, чем она?

— Но не такой ценой! — Луна стиснула зубы, прикидывая в уме, как лучше напасть.

Однако, одного её отвлечения на разговор хватило, чтобы Найтмер потеряла концентрацию. Из рога лже-принцессы вырвались пронзительно-яркие цепи, опутывая опешившую пони.

— Жалкие малявки, — выругалась Найтмер. В её памяти Луна увидела незнакомых пони, которые прямо сейчас использовали элементы гармонии. В отчаянии забившись в магических цепях, Найтмер Мун вновь обратилась к ней: — Я нужна тебе! В конце концов, именно я сделала нас могущественными!

Но Луна даже не сдвинулась с места чтобы помочь ей.

— Ты можешь забрать мои воспоминания, ты можешь обезобразить их, но какой в этом смысл, пока мы с тобой одно целое? До тех пор, пока я люблю свою сестру, я не позволю тебе заменить меня!

Цепи с каждой секундой становились всё ярче, так что на них стало больно смотреть. Издав протяжный вопль полный боли, Найтмер Мун растворилась в белом свете.

Луне было совершенно не жаль альтер-эго, которое когда-то утешило её в момент наибольшей уязвимости. Их безумный союз был не в коня корм, и лишь заставил страдать всех, включая своих же подданных.

Когда глаза принцессы привыкли к свету, она увидела перед собой портал — долгожданный выход из кошмара, в котором она провела буквально целую вечность. Нырнув в спасительный солнечный свет, Луна обессиленно рухнула на пол.

В окна разрушенного замка бил яркий солнечный свет. Луна пришла в себя на пыльном каменном полу в окружении шести пони. Они с настороженным интересом разглядывали её, пока одна за другой не преклонили головы, глядя на кого-то позади неё.

Обернувшись, Луна изумлённо замерла.

Перед ней стояла пони, перед которой она была безмерно виновата.

Пони, которой она причинила невероятно много боли.

Пони, которую она очень любила, несмотря на все свои обиды.

Она почувствовала, как её глаза наполняются слезами, когда Селестия дрогнувшим от подступающих слёз голосом произнесла:

— Здравствуй, сестра.